

Роман Кононов

Отзыв на VII международную конференцию «Мастерство юнгианского аналитика» (Москва, 9-11 июня 2012)

Как и прежние конференции, организованные МААП, «Мастерство юнгианского аналитика» оставило в моем сознании мощнейший аффективный и когнитивный след. Я пишу этот отзыв во многом для того, чтобы упорядочить свои собственные впечатления от этого, безусловно, знаменательного мероприятия. В моем отзыве много эмоций и собственных проекций, которые я вполне осознанно решил не изымать из текста, поскольку считаю их неотъемлемой частью описываемого здесь опыта.

Первый доклад «*Значение и цель в аналитической психологии*» читал Дейл Матерс^[1]. Аудитория в начале воспринимала его немного настороженно. Кто-то еще не втянулся в работу, а кого-то смущали голые ступни докладчика. И это не метафора – Дейл везде ходит босиком - <http://clck.ru/1D-ys>. Такая вот буквализация открытой установки к миру. «Это как быть ребенком, - объяснил он. – Когда вам 56, вы можете быть ребенком, когда захотите». Дейл Матерс все время хочет быть ребенком сам, и во всех взрослых, он, первым делом, тоже видит спрятавшихся или потерянных детей. Каждый раз, ссылаясь на тот или иной аналитический авторитет, он представлял его примерно следующим образом: «У этого ребенка, в возрасте 4 лет умерла няня, а в 7 его отправили в тюрьму для мальчиков – иначе не назвать английские школы-интернаты. Я бы и собаку не отправил в такое место!» Это о Джоне Боулби – его портрет на презентационном слайде, после такого вступительного слова, приобретает неожиданную глубину и связность. Я нигде ранее не встречал такой любопытный методический прием.

В ходе конференции Дейл много говорил о Самости, и эта тема достигла своего апогея в его последнем докладе. Но пока, в субботу, речь идет в основном об аспекте открытости/закрытости психической системы. Соприкосновение с новым опытом открывает ее, и это сопровождается разрушением прежде сложившихся связей и смыслов. В процессе ассимиляции этого опыта система закрывается, чтобы затем, спустя какое-то время опять открыться новым переживаниям. Похоже на дыхание. Если система закрылась раньше, чем новый опыт был ассимилирован, новое содержание остается непрожитым, образуя травматическое ядро комплекса. Дейл постоянно обращался к образу полуоткрытой двери, которая символизирует парадокс и внутреннюю готовность к циклу дезинтеграция-интеграция. Смыслы должны быть открытыми и изменчивыми. Полуоткрытая дверь – образ родственной пространству «между» (сознанием и бессознательным; я и другими). Лишь при наличии этого пространства Самость может по-настоящему проявить свою природу. Дейл настаивал, что эта природа проявляется в действиях и может быть описана посредством глагола. Самость – *согласовывает, посредничает, поддерживает* непрерывность и *связывает* с аффектом. Наверное, это еще означает, что Самость способна быть полезной эго лишь, когда оно решается действовать. Только в этом случае, в пространстве «между» противоположности могут быть удержаны и прожиты, а переживания дифференцированы. Движение – как порыв – должно быть спонтанным, без рациональных сомнений и колебаний – как в серфинге – ты не думаешь, куда наклонить тело, ты просто делаешь это в определенный момент. В случае раннего сиротства или жестокого обращения полуоткрытая дверь превращается в бесполезные обломки или непреодолимую крепостную стену, а пространство «между» - в зону боевых действий.

Все сообщения Дейла насыщены афоризмами и в этом он похож на Эндрю Самуэлса. Любопытно, что и внешне эти люди схожи. Я имею в виду, времена, когда Самуэлс еще носил длинные волосы. Вместе с тем, доклады мозаичны и не всегда удается поймать момент перехода от одного фрагмента к другому. Этих недостатков начисто лишена книга Дейла Матерса, которую он, согласно исходному замыслу, должен был презентовать в рамках первого доклада конференции. Я очень рекомендую ее к прочтению – осмысленный и глубокий материал^[2]. Сама презентация заняла от силы минуту и была исполнена в стиле Алисы: «Книга – это Россия; Россия – это Книга!». Дейл довольно ухмыляется – зал отвечает веселым смехом!

Вторым докладчиком субботы была Сьюзан Роуланд^[3]. Ее сообщение называлось «Юнг: феминистская ревизия». Название явно обещало некую экзекуцию отцу-основателю. Отчасти так оно и получилось. Она начала с юнговской цитаты о том, что «...только у оболыщения, изнасилования или избиения есть подлинная сила убеждения; и это мнение не всегда ошибочно». «Что это означает? - спросила Сьюзан. – Юнг считает насилие нормальным?» Это вопрос, который она обязательно задает своим ошарашенным студентам. В этот момент я почувствовал разочарование – в воздухе запахло морализаторством – какой «плохой» Юнг! Как будто Сьюзан забыла, что феминное и маскулинное – первичные, базовые архетипические силы, которые в «сырой», не ассимилированной форме могут представать в довольно отталкивающем, но, тем не менее, весьма убедительном виде.

Далее, Сьюзан, главным образом, говорила о том, что у Юнга есть проблемы с видением феминного, хотя вся его работа направлена именно на это. Юнгу очень нравилось феминное, но вот относится к женщинам как к равным он не мог, оставаясь в плену патриархальных стереотипов. В то время как, в его теории заложены возможности избавления от фаллоса. Это означает симметричность феминного и маскулинного и, сулящий волшебные перспективы, брак между Небесным отцом и Земной богиней. Но, к сожалению, Юнг не смог довести эту работу до конца и в его вселенной, по мнению Сьюзан, феминное лишь служит интересам маскулинного. «Слишком много Анимы! - восклицает Роуланд. – Слишком много даже для 20-томного Собрания сочинений!». Анима должна вдохновлять мужчину – это ее главная задача – это и есть фаллос – все потенциальные возможности мужчины. Что для Лакана фаллос, для Юнга – Анима. И это настоящая засада! Юнг одержим Анимой, и потому создает подчиненный образ женщины – фаллическая Анима не может быть базовой формой для женской идентичности. В ней «прописан» антагонизм по отношению Земной богине – матери. И это означает расщепленность женщины в поле мужской проекции. Несправедливо! Далее Роуланд обратилась к мифологическому нововедению о том, как в изначальные времена природа была божественной и женственной, и как все было гармонично и хорошо. Но вот пришел Небесный отец и, сказав правду о творении, остался сверху, породив гендерную несправедливость и неравенство. Поэтому нужно сосредоточить усилия на возвращении в коллективное сознание Земной богини, помещая в фокус внимания проблемы экологии, гендерного равенства и деконструкции патриархального фаллоса.

Идеи Роуланд интересны, но аффективная интонация ее докладов почти невыносима. В перерыве, после доклада, участники конференции сердито толкуются у кулера. Одна из участниц говорит: «Интоксикация – надо промыться!»; другая добавляет: «Вот оно – мастерство юнгианского аналитика!». Все, кто слышит этот диалог, нервно смеются.

Как юнгианцы, мы отлично понимаем, как обстоят дела в континууме «феминное-маскулинное», осознавая, какой путь от своего истока проделало человеческое сознание, чтобы обладать хотя бы таким уровнем дифференцированности. И что именно доминанта патриархальной стадии, при всех ее известных недостатках, помогает и мужчинам и женщинам не скатываться в диффузное пограничное состояние, характерное для эпохи владычества Земной богини. Лично я не вижу особенной прелести в регулярно возобновляемой участи Аттиса. Никто не говорит, что дела обстоят блестяще, но привносить в эту непростую тему еще и морально-обвиняющий пафос, на мой взгляд, все-таки не стоит. Складывается впечатление, что Юнг – это такой небрежный создатель, который несправедливо разделит свое благо между созданиями. По большому счету, это упреки к архетипическому отцу, подразумевающие одержимость Анимусом, которая, как и одержимость Анимой, создает избыточную аффектацию. Сьюзан, как будто привыкла к сердитому настрою аудитории – в ответ она собирается с силами и упрямо гнет свою линию. Эта линия, возможно, находит свое мимическое воплощение в носогубной складке Сьюзан – посмотрите на фотографиях. Я чувствую напряжение, даже сейчас, когда пишу эти строки. И это вызывает у меня досаду от собственной малости и неспособности совладать со своим нуминозно обусловленным аффектом.

Следующим докладчиком был Кристофер Хок^[4]. Его сообщение называлось «Юнг и фильмы: Европа и американская душа». Кристофер внешне и манерами очень похож на первого и последнего президента СССР. Его речь размеренна и плавна, а временами он делает знакомые округлые жесты и иногда выходит с микрофоном в зал. Во всех докладах Кристофера много интерактивного и дискуссионного. В своем первом сообщении он говорил

об образе Америки, какой создается у европейца посредством американских фильмов. Также он рассказывал о взглядах Юнга на национальную американскую психологию, которые, с течением времени, претерпевали трансформацию. У меня сложилось впечатление, что Хок немного обижен на Юнга за его нелестные отзывы об американцах. Больше всего его расстроили идеи Юнга о влиянии на коллективную американскую психику уничтоженного индейского этноса – «американцы бессознательно имитируют темперамент индейцев»^[5]. Хотя, на мой взгляд, это рабочая идея – мы знаем из опыта, как ландшафт и связанная с ним культура подспудно формируют характер и идентичность. В ракурсе Хока Юнгу все время приходилось извиняться за свои высказывания об американском характере. Вообще складывается впечатление, что исследование национальной психологии ограничено терпимостью ее носителей. И политики здесь всегда больше, чем психологии. О, сэр! Я не имел виду ничего предосудительного! Почти все доклады Кристофера содержали в себе ссылку на некий скрытый для меня слой смыслов, и потому я часто воспринимал его сообщения как не до конца сметанное лоскутное одеяло. Наверное, что-то не так с моим восприятием; а может быть, мне было неинтересно слушать про Америку.

После обеда шла авторская презентация книги *«Суперстарость или старание к старению»*. Юля Жемчужникова – весьма плодовитый московский автор – в своей новой книге пишет о важности и уместности процесса старения, противопоставляя свою точку зрения господствующему нарциссическому ужасу перед этим вечным явлением. Превращение в бабушку – это не только полезное умение рассказывать, но счастливая возможность забывать, путаться и повторяться. Это, среди прочего, свобода от нарциссических ожиданий совершенства и точности. Работая над книгой, Юля поймала себя на фантазии-мечте, в которой она видит себя благодушной старушкой. На что ее дети ответили, что 20 лет для этого может и не хватить. Я вполне могу их понять – автор книги *«Суперстарость»* очень целеустремленная и энергичная женщина.

Далее шла линейка воркшопов в количестве семи штук – было, из чего выбрать. Я выбрал воркшоп Татьяны Финн *«Секонд-хенд. Отклик по размеру»*. Немного странное, но по-своему интересное и живое мероприятие. Часть времени мы разбирались с термином «секонд-хенд». Оказалось, что это очень широкое понятие: от ношенной вещи до повторного брака. Интересно, насколько разным оказался опыт использования секонд-хенда. Кто-то донашивал одежду за старшей сестрой и злился от ощущения своей второсортности; а кто-то получил в начале скудных 90-х красивую и необычную вещь от капиталистических друзей, которую воспринял как чудесный подарок. Затем мы дописывали стихотворения за известными поэтами и размышляли над вопросом, а что, в данном случае, является секонд-хендом, строчки автора или наши любительские вирши. Любопытно, ведь использование аналитических конструкторов также относимо к данной теме. В общем, было весело и интересно.

Следующим пунктом программы шли супервизии. Я присутствовал на той, которую вел Кристофер Хок. Кейс был интересен большим количеством презентаций – фотографии песочницы на разных стадиях работы. Экран был огромным, и приходилось задираť голову, чтобы видеть изображение. С какого-то момента обилие слайдов стало мешать восприятию случая, и я отключился. Кейс относился к разряду успешно завершенных и, возможно, поэтому Хок в своих комментариях был немногословен.

Последним мероприятием субботы была дискуссионная группа *«Глубинный анализ гражданской активности в России»*, которую вел Станислав Раевский. Я смотрел за этим действием со стороны, как никогда ощущая собственную аполитичность. А еще мне было немного страшно наблюдать, как в поисках мишени для проекции бьется коллективная энергия. Как глубинная психология переплавляется в социальную. Я для себя еще раз понял, что остаюсь на стороне юнговской идеи о том, что основной способ уменьшить количество деструктивного в мире заключается в осознании и обуздании своих внутренних конфликтов.

Первый день оказался очень тяжелым, и я еле дотащился до гостиницы.

Второй день конференции начался с доклада Дейла Матерса *«Супервизия трудного пациента»*.

Дейл заявил, что все трудные случаи так или иначе связаны с т.н. "теневым ребенком", который персонифицирует отвергнутые детские потребности в любви и безопасности. Это потерянный ребенок, которому не за что держаться, кроме как за обиду. Он не умеет играть и радоваться. Для сознания он тяжелый спутник, поскольку все время плачет или злится,

декомпенсируя это и вырывая его из полезных коммуникаций. Мы не можем продуктивно работать или думать, пока этот ребенок не будет тем или иным образом утешен или успокоен. Точно также и сам ребенок не может сосредоточиться на позитивном, пока не найдет своих родителей. Как правило, это научается игнорировать его плачь и упреки, реагируя на констелляцию соответствующего комплекса только "понижением умственного уровня", но, не понимая, чем именно это вызвано. "Мир размыт, - говорит Дейл, - пока мы не нашлись!"

В супервизорском треугольнике (пациент-аналитик-супервизор) энергия перестает циркулировать, как только один из участников начинает в защитных целях игнорировать своего теневого ребенка. И это может случиться также и с супервизором. Признаком такой динамики является обострение помогающего поведения, что подразумевает стремление давать ценные советы, утешать и, вообще, "улучшать" другого, показав пути избавления от тревоги и страдания. И тогда супервизорский треугольник незаметно деградирует в другой - "жертва-преследователь-спаситель", в котором архетипические роли будут доставаться то одному, то другому участнику отношений. В качестве средства от напасти, Дейл рекомендует супервизору занимать созерцательную позицию, в рамках которой аспект знания отходит на задний план, уступая место интуиции. Это вновь обращение к образу «полуоткрытой двери». «Когда мы расслаблены, - говорит Дейл, - мы чувствуем себя частью коллективного поля». Коллективное – это четвертый компонент, обязательное дополнение к супервизорскому треугольнику. Находясь с ним в контакте, сознание пребывает в состоянии потока и тогда «супервизор подобен буддистскому монаху - вещи возникают и исчезают - вдох и выдох, - добавляет Дейл, - я не привязан ни к концепциям, ни к точкам зрения. И если что-то выводит меня из этого состояния - это повод для любопытства". Дверь во внутреннюю проблематику представленного случая открывается. Состояние потока, как правило, прерывается нарциссической или пограничной динамикой, которые нарушают способность аналитика к эмпатии. Важно вовремя понять, что это уже происходит и теновый ребенок предан забвению или потерян. Лишившись эмпатии, аналитик начинает воспринимать идущие от пациента сигналы, как аффективное давление. Пациент требует, чтобы его «улучшили», исцелили. В ответ аналитик ощущает вину за свою недостаточную эффективность и полезность для пациента. Пытаясь справиться с этим переживанием, он прибегает к уже упомянутому выше помогающему поведению, запуская цепочку защитных отыгрываний. В конце доклада Дейл грустно отметил, что «нужны годы, чтобы перестать быть помогающим в помогающей профессии». Я бы немного перефразировал: нужны годы, чтобы научиться не использовать помогающее поведение, как межличностную защиту.

Это было очень интересное сообщение, и далеко не все идеи Дейла я смог описать здесь. Над многим я продолжаю думать и сейчас, когда пишу эти строки.

Вторым докладчиком второго дня конференции была Сьюзан Роуланд. Ее сообщение называлось «*Экокритика. Юнг и эволюционная теория*». Взглянув на название, я приготовился к новой порции упреков отцу-основателю, но ошибся – сообщение, в этом плане, оказалось гораздо более сдержанным, чем первое. Сьюзан говорила о юнгианской экопсихологии – новом направлении, в рамках которого исследуются мифы о взаимоотношениях человека и природы. Некоторые идеи звучат довольно радикально. Например, психическая травма рассматривается как составная часть экологической травмы. Соответственно, и исцеление душевного расстройства также связано с решением экологических проблем. Невозможно быть душевно здоровым, находясь в эпицентре экологической катастрофы. Отчасти, это возвращение к мифологии матриархальной, а то и уроборической стадии, когда землю невозможно вспахать, поскольку это – тело Великой Матери (М. Элиаде «Мифы, сновидения, мистерии»).

Другой идеей экопсихологии является конструкт «неписаного знания» - некоей природной семиотики, интуитивного знания без слов, отражающего и выражающего естественную структуру природы. Способность понимать этот язык позволяет встраиваться в гармоничные природные «кластеры», в которых отдельные единицы соотносятся друг с другом не на основе видовой конкуренции (Дарвин – ставленник Небесного отца), а с помощью биосемиозиса – комплексной эволюции. С этой точки зрения выживает тот вид, который смог наладить с другими взаимовыгодное сотрудничество в пределах своего ареала обитания. Актуальная тема, поскольку Земля становится все теснее. Синхроничность – это

тоже проявление «неписаного знания» - связь психики с внешней природой и материей. Ему же подчиняется и психосоматическая динамика.

В завершении Сьюзан упомянула культуральный миф об Апокалипсисе, заявив, что его популярность (декабрь 2012 близко!) это реакция на утрату связи с живыми, природными мифами. Это интересная идея – если мы переживаем за скорый конец света, значит, мы уже коллапсируем в замкнутом пространстве нашего эго.

Сьюзан Роуланд, с одной стороны, принесла на эту конференцию множество инновационных идей, которые заставляют смотреть на привычные вещи с неожиданной стороны; с другой – образ обиженной, изнасилованной и забытой природы, который транслируется как вечный и неизбывный упрек...

Следующий доклад («Юнг и постмодернизм») читал Кристофер Хок. Действо напоминало ток-шоу, со множеством видеофрагментов и дискуссией о постмодернизме. К сожалению, этот термин у меня не в ходу, возможно поэтому, при почти полном понимании того, о чем говорил докладчик, временами я откровенно выпадал. Хок призывал сменить фокус, чтобы увидеть новое в старом. Старое теперь – это предмет ироничной деконструкции. Нет больше ни одной бесспорной истины, все условно и вариативно. Один из участников веб-трансляции задал ожидаемый вопрос, какого врача-хирурга Кристофер Хок предпочел бы как пациент: ироничного постмодерниста или все-таки угрюмого модерниста? После небольшой заминки докладчик разумно остановил свой выбор на втором варианте. Это было веселое мероприятие...

Доклад Станислава Раевского «Мировая душа» временами звучал на одной частоте с идеями Сьюзан Роуланд. Земля – больше не Ойкумена, а тесный дом. Экспансивная фантазия о бесконечном росте и героическом триумфе себя исчерпала – расти больше некуда! Если мы не вырвемся в космос, экология станет одной из основных наук, и не только она одна. Мировая душа выходит на передний план, а вместе с ней и психология. Мужчинам придется осваивать психологию или исчезнуть, поскольку без нее не получится осмысленно обуздать агрессию, которой больше нет места в тесном земном домике. В этот момент я подумал, что Станислав живет в мегаполисе и для него этот образ транслируется на все земные просторы, которые поэтому воспринимаются как сжатые, тесные, коллапсирующие. Живя в совсем не маленьком Екатеринбурге, я, тем не менее, вижу совсем другую картину – места умотаться! Его хватит всем – и героям-первопроходцам, и экофеминисткам. Хорошо на Урале! Но я отвлекся. Станислав видит будущее, в котором «психологи больше не являются маргиналами, которые обслуживают других маргиналов». Они создают идеологии и поддерживают у населения рефлексивную культуру. Это тоже интересная тема – докладчик спросил у аудитории: «А вам стыдно быть психологом?» По-моему, работа как работа – «услуги населению». Когда несколько лет назад была перепись населения, российский президент именно так обозначил сферу своей деятельности. Почему стыдно? Дело важное и, в общем, востребованное...

Следующей была линейка воркшопов, и на этот раз я был одним из ведущих. Воркшоп назывался «Техника фоновой линзы в работе со сновидениями». Аудитория оказалась теплой и отзывчивой, и мне удалось все задуманное при подготовке.

Последним мероприятием дня была супервизия с Дейлом Матерсом. Это было интересно. К босоногости супервизора все уже успели привыкнуть, а вот подходы к случаю, которые он использовал, были подчас весьма неожиданны. Мы на практике используем конструкт «психического или психологического возраста», устанавливая с его помощью связь текущего состояния пациента с глубиной регрессии. Сколько Вам сейчас психических лет? В общем, удобно. Но Дейл придал этому, все-таки субъективному замеру, черты диагностики, с далеко идущими выводами. На сессии, в момент аффективного обострения у пациента, во всем здании вырубился свет. Связь между вспышкой гнева и отключением электричества была воспринята пациентом как причина и следствие. Комментарий Дейла: «Чтобы выключить в здании свет, надо быть младше 7 лет». Чудесная двусмысленность, которую лично мне не захотелось прояснять! Или: «Психический возраст в 13-15 лет позволяет пациенту лечь на кушетку». Хотел бы я иметь в своем распоряжении всю «временную шкалу Матерса». Интересно, сколько психических лет мне, который пишет эти строки и чего мне уже можно?

В конце дня мы провожали Сьюзан Роуланд в Калифорнию. Лев Хегай от лица конференции подарил ей Чебурашку. Я подумал, а вдруг она приняла подарок за гремлина... Помните такой голливудский фильм? «Чебурашкоподобная лапушка» после контакта с водой

начинает плодить злобных демонов, которые захватывают людей в заложники^[6]. Эко-терроризм! С трудом удержался от продолжения фантазии и смысловых параллелей.

Надеюсь, что Сьюзан с комфортом долетела домой!

Второй день оказался самым продуктивным и по идеям, и по эмоциональному состоянию.

Третий день конференции начался со странного действия – танца «Ваджры». Его вела Ульяна Соколова. Она отметила, что Юнг живо интересовался восточной философией, переводя ее понятия на язык глубинной психологии. Она же будет выполнять обратную работу – переводить идеи Юнга на буддистский язык. «Ваджра – шесть пространств Самантабхадры» – это буддистская практика обретения чистого сознания посредством движения в специально структурированном пространстве. На полу была расстелена огромная мандала (примерно метров десять в диаметре). Неофит, танцуя определенным образом, движется от периферии к центру, проходя шесть областей, каждая из которых символизирует аффекты, питающие иллюзии (гнев, жадность, гордость и т.п.). Последовательно минуя эти зоны, он освобождается от их власти, в конце концов, обретая центр чистого сознания. Практика не совсем получилась, поскольку желающих было очень много, и они просто мешали друг другу. Но, со стороны, зрелище все равно получилось интересным. В альбомах игаарр (Яндекс) есть и фото (<http://clck.ru/1D-zk>), и видео (<http://clck.ru/V/1D0-6>) с этого мероприятия.

Первый доклад последнего дня конференции назывался «Самость и отсутствие Самости». И его автор – Дейл Матерс продолжил тему перевода юнгианских конструктов на буддистский язык. И так получилось, что при переводе кое-что потерялось – Дейл сказал, что буддист в нем сильнее, чем юнгианец и Самости, на самом деле, нет! Это случилось в самом конце доклада, и когда докладчик сказал, что готов ответить на вопросы, в зале воцарилась непривычная тишина. И я понял, как можно ранить юнгианца – нужно авторитетно и весомо изречь: «нету-никакой-этой-вашей-самости». Пауза прервалась едкой репликой Юли Казакевич: «Нет Самости – нет вопросов!». Зал взорвался аплодисментами! Сколько было в этом и злости, и облегчения? А мне было еще и грустно – Юнга бы это никогда не ранило – он не нуждался в вере в Самость.

Дейл говорил: «кто не привязан к форме, тот не нуждается в реформе». Юнгианцы – это самая гибкая и толерантная часть глубиннопсихологического сообщества, но мы, все-таки, нуждаемся в форме. В то время как, по словам Дейла, «быть в замешательстве – самое правильное состояние. Знать что-то про пациента, означает отнять у него возможность узнать это самому». Для Дейла Матерса все есть нарратив, причем достаточно случайный. А Самость – это один из таких нарративов. Пусть так, но это удобный и операциональный нарратив. Во всяком случае, для меня.

Следующим докладчиком был Кристофер Хок. В своем докладе «Юнг и кино» он говорил об оправданной необходимости проецировать, поскольку это создает связи с миром. Благодаря кинематографу у нас есть возможность избавляться от внутреннего архетипического давления, проективно проживая его как внешний нарратив. Цитируя Патрицию Бейли, Хок отмечает, что «мы живем в средегиперстимуляции, порождающей у нас хаос, который киноискусство связывает в управляемые формы». И это нас спасает, как терапия. Далее Кристофер рассказывал о роли Анимы в кино и жизни. Цитируя Джона Биби, он выделил несколько важных аспектов этой темы: Анима хочет, чтобы ее любили, а иногда ненавидели; она существует ради связывания и характеризует отношения мужчины с самим собой (хорошо, что Сьюзан уже на пути в Калифорнию); Анима порождает «микроупрек» – маленький обидный совет или реплику, которая приводит к изменению взглядов и терапевтическому продвижению мужчины. По-моему, очень коротко и емко!

Мистерия «Божественная комедия» (О. Кондратова и Короткова А.). Воркшоп, действительно, вели двое, но вовлечено в действие было гораздо больше людей – это была настоящая театральная постановка с проникающим живым звуком и драматической фабулой, основанной на первых главах «Божественной комедии» Данте Алигьери. По словам ведущих, воркшоп вырос из литературно-аналитического клуба, члены которого поставили себе задачу прожить, осмыслить и ассимилировать сюжеты и образы этого бессмертного произведения. На определенном этапе дело забуксовало – слишком архетипичен и непрост оказался материал. Мне кажется, что представив постановку на конференции, коллеги решили обратиться к более емкому контейнеру, ресурсы которого

могли бы обуздать избыток нуминозного, который, как правило, провоцирует защитный процесс в эго. А защиты – это как раз то, что блокирует опыт проживания. Могу сказать, что в определенный момент постановки, я ощутил холодный озноб и что-то вроде дереализации – мой собственный контейнер явным образом активизировался. От души надеюсь, что коллегам удастся пройти на новый «адский круг».

Последним для меня мероприятием конференции оказался воркшоп Ирины Архиповой «*Потоки любви как энергетическая основа человека и его отношений*». После «контузии», полученной от Дейла Матерса^[1], мне было все равно, на какой воркшоп идти, но я не прогадал.

Ирина построила свое сообщение на хорошо знакомой античной классификации видов любви – сторге, филии, эрос, агапе. Поскольку любовь – это, в определенном смысле, энергия, она имеет вектор, т.е. направленность. В каждой из видов любви вектора психической энергии сконфигурированы своим особенным образом. В случае *сторге* вектора партнеров сонаправлены и следуют друг за другом. Это подразумевает последовательность, ответственность, иерархию. Встреча между партнерами в «режиме» сторге случается в момент, когда первый что-то делает со вторым – рождает, учит, спасает, лечит и прочее. Это субъект-объектные отношения.

В случае *филии* любовные вектора параллельны и направлены в одну сторону, создавая пространство отношений – дружескую связь, аналитический альянс и т.п. Партнеры в «режиме» филии встречаются, когда делают общее, интересное обоим, дело. Ирина отнесла к этому пункту ценности и атмосферу юнгианского анализа. Филия порождает интерес субъективности.

Эрос в ракурсе векторной диаграммы выглядит как противоположно направленные стрелки, которые встречаются в одной точке. Иногда, и это зависит от ситуации, они исходят из этой точки, опять-таки двигаясь в противоположных направлениях. Партнеры в режиме «эроса» встречаются как персонификаторы противоположностей, вовлеченные то в ситуацию *coniunctio*, то в конфликт и противостояние.

Агапе – высшая форма любви, по мнению Ирины, является объединяющей формой для трех вышеперечисленных. Мы терзали ее вопросами, о том, как это выглядит в векторном ракурсе, но у нее не оказалось готового ответа. Ближе всего оказался образ круга, объединяющего в себе три части (сторге-филия-эрос).

Любопытный воркшоп! Вроде бы исходная конструкция и несложна вовсе, но мысль за нее цепляется, как за ощущение инсайта, который не объяснишь логически, но его внутреннюю связность и живость ощущаешь всем нутром.

Такая вот получилась конференция. В общем, совсем непростая. Я полагаю, каждый из докладчиков по-своему ответил на вопрос, в чем заключается мастерство юнгианского аналитика. Иногда эти ответы были очевидны и понятны, иногда – ошарашивали и приводили в замешательство. Дейл Матерс заставил меня почувствовать ограниченность юнгианского мировоззрения. В этом есть какая-то ирония. Юнг создал устойчивую и открытую систему, которая способна ассимилировать самые разные подходы и методы, не теряя своего исходного духа. Похоже, что в случае с буддизмом мы сталкиваемся с обратной ситуацией – теперь в положении ассимилируемого оказываемся мы сами. И я не сказал бы, что это приятно. Это и есть тот опыт, который Дейл в своей первой лекции назвал деконструирующим, открывающим Самость, которой нет. Сейчас я думаю об этом, как о прививке от неосознаваемой прежде нарциссической грандиозности.

Екатеринбург, июнь 2012

^[1] **Дейл Матерс** - психиатр и юнгианский аналитик (AJA), преподающий и практикующий в Лондоне. Он руководит Студенческой психологической консультацией в Лондонской Школе

экономики, специалист по зависимостям Фонда психического здоровья. Редактор сборников по психологии буддизма «Самость и не-самость» (2009), а также: «Алхимия и психотерапия: постюнгианский взгляд» (2009) и «Видение и супервизия» (2009). Фото <http://clck.ru/1D-xW>

^[2] Матерс Д. Аналитическая психология о цели и смысле жизни. Издательство «Книжный дом Либроком», 2012. <http://www.maap.ru/library/book/265/#g1> – первая глава из книги «Юнгианская психология о цели и смысле жизни».

^[3] **Сьюзан Роуланд** - известнейший академический ученый, профессор литературы и глубинной психологии университетов Гринвич и Эссекс, преподающая во многих юнгианских центрах по всему миру, член Международной Ассоциации юнгианских исследований (IAJS), основатель Юнгианского общества Академических исследований (JSSS), автор книг «Юнг и литературная теория» (1999), «Юнг: феминистская ревизия» (2002), «Юнг как писатель» (2005), «Юнг для человечества: путь Души» (2010), «Экокритическая психика: Юнг, эволюционная теория и литература» (2011). Фото: <http://clck.ru/1D-xG>

^[4] **Кристофер Хок** - юнгианский аналитик из Лондона, SAP, профессор психоаналитических исследований в университетах, автор книг «Юнг и постмодернизм» (2000), «Человек становится человеком» (2005), редактор сборников «Юнг и фильм» ч.1, ч.2 (2001, 2010), «Видимый ум: зритель, режиссер, психика» (2012), известный кинокритик и единственный юнгианский кинопродюсер, автор фильмов (<http://letuknowfilms.co.uk>). Фото: <http://clck.ru/1D-x4>

^[5] Юнг К.Г. Проблемы американской психотерапии

^[6] «Гремлины» (англ. *Gremlins*) — американская комедия ужасов 1984 года, снятая режиссёром Джо Данте по сценарию Криса Коламбуса для студии Warner Bros. Исполнительный продюсер фильма — Стивен Спилберг (Википедия). Фото: <http://clck.ru/1D-xy> и <http://clck.ru/1D-y4>

^[7] Позднее, из книги Дейла «Аналитическая психология о цели и смысле жизни» я понял, что его «самость» - не трансцендентна, какой мы привыкли воспринимать ее у Юнга. Речь идет скорее о более-менее целостном опыте субъективного самовосприятия, который относим к эго, а не к Самости. А в идее деконструкции эго нет ничего особого инновационного. Из-за чего шум?